

СКАЗКА А. ПЛАТОНОВА ВОЕННЫХ ЛЕТ (ДИСПОЗИЦИЯ «СВОЕ» «ЧУЖОЕ»)

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 марта 2020 г.

Аннотация: в статье анализируется специфика трансформации традиционной фольклорной модели в сказке А. Платонова «Как солдат Курдюмов одолел четырёх немцев — голод, холод, вошь и блат», созданной в годы Великой Отечественной войны, но опубликованной значительно позже и почти не изученной. Выясняются иносказательные проекции текста, «стратегии сказочности», реализованные писателем в полемике с официальной пропагандой, диспозиция «своего» и «чужого», соотношение различных дискурсивных тенденций. В статье используются архивные материалы.

Ключевые слова: А. Платонов, литературно-художественное творчество в годы Великой Отечественной войны, авторская сказка, «своё» и «чужое».

Abstract: the article analyses the specificity of traditional folklore model transformations in A. Platonov's tale «How Soldier Kurdyumov Defeated Four "Germans" — hunger, cold, louse and favouritism», written during the Great Patriotic War, but published considerably later and underexplored. The article's author figures out allegorical text projection, disposition «native — alien», interrelation between different discourse tendencies as well as «tale strategies», realised by the author during the debate with official propaganda. The paper relies on the archive's materials.

Keywords: A. Platonov, literary art during the Great patriotic War, the author's tale, «native» — «alien».

Сказка А. Платонова «Как солдат Курдюмов одолел четырёх немцев — голод, холод, вошь и блат» [1] обсуждалась в издательстве «Советский писатель» осенью 1943 года, но была отклонена: в её тексте рецензенты усмотрели «зыбкость философских позиций», «оттенки двусмысленности в толковании весьма серьёзных вещей» [2, 508] и «несомненную опасность» [2, 513]. Только через двадцать лет сказку напечатают под названием «Сказ про солдата Курдюмова» [3, 21–23]. Редакция «Литературной России», осуществившая публикацию в условиях придирчивой цензуры, в кратком предисловии сообщала, что в основе произведения «лежит фольклор, бытовавший на фронте», что «сказ» — «не о главном на войне, но об очень существенном, поскольку война несла народам и голод, и холод, и болезни, и даже ... «блат», о котором писатель говорит с возмущением как о явлении, глубоко враждебном советскому человеку <...> «Сказ» знакомит с солдатским фольклором, расширяет представление о творческом многообразии Андрея Платонова» [3, 21].

Жанровая природа и концептуальное богатство авторской сказки в газетной «преамбуле» растворялись в почти обезличенном «солдатском фольклоре», бытовавшем на фронтах Великой Отечественной войны, но, как известно, имевшем свою специфи-

ку. По свидетельству Л. Н. Пушкарева, собиравшего прозаические жанры русского фольклора, находясь в рядах Красной армии, у бойцов «большой популярностью пользовались сказки о солдатах и военной службе. Во время войны солдат занял прочное место среди сказочных персонажей. Герои фронтовых сказок, как правило, поступали на службу, быстро продвигались по служебной лестнице и дослуживались до генералов (в крайнем случае — до полковников). Встречалась и обратная ситуация: героя отдают в солдаты, он плохо служит, становится предметом насмешек, его наказывают, пока не появляется его невинно оклеветанная жена, которая и спасает героя от унижений» [4, 3].

В фольклоре Великой Отечественной войны представлены и герои-удальцы, «обладавшие недюжинной силой, показанной гиперболически: армеец или партизан в сражениях подобен царю зверей, дерётся одновременно с двумя врагами, побивает множество их в неравном бою» [5, 348]. Многие произведения «были ориентированы на поэтику волшебной сказки» [6, 676]. Народные сказители (и их негласные «соавторы» — редакторы, профессиональные литераторы) предпринимали неоднократные «попытки приспособить традиционную форму к остро-политическим событиям современности» [6, 677]. Борьба с небывалыми чудовищами, помощь родной земли, «волшебные дары» и другие фольклорные мотивы

и образы, осовремененные и переименованные, использовались в пропагандистских целях. «Возвышенный и благородный образ положительного героя наших старинных сказок теперь несёт черты советского человека», — сообщал читателям составитель и редактор сборника «Народное творчество в дни Великой Отечественной войны» [7, 7]. «Выражая мысли своего народа, герой заявляет: «Самое дорогое — Родина. Сильнее всех — Красная Армия. Милее всего — товарищ Сталин» [7, 8]. Отметим однако, в Государственном архиве Воронежской области сохранилась другая «версия» того же эпизода: вместо «товарища Сталина» названа «Русь священная», вместо Родины — «земля родная» [8, 153]. Несмотря на редакционные вмешательства, жанровой доминантой в сказках народных исполнителей является не искусственный сюжет, в котором «глава государства отправляет героя на совершение подвига» [6, 675], а нарочитая «инаковость» «своего» и «чужого» пространств, акцентированная повышенной модальностью описаний и аттестаций.

В категориях «свой» — «чужой», характерных для традиционной культуры, неведомый мир, находящийся за границей своей земли, воспринимает и герой сказки А. Платонова «Как солдат Курдюмов одолел четырёх немцев — голод, холод, вошь и блат»: «А у нас не так, — наблюдал Курдюмов. — У нас земля русская, она гладкая, добрая, у нас там просто. А здесь хитрость нужна, тут совсем другое иждивение жизни» [1, 1]. Актуализация привычных для фольклора образов в платоновском повествовании соединяется с полемикой, направленной против пропагандистской довоенной доктрины, провозглашавшей победоносные сражения «малой кровью на чужой земле»: Он «с размаху вонзал штык в местную твёрдую глину или бросался вперёд, поражая в уме один сто врагов, а затем долго улыбался и наслаждался победой, точно он её совершил на самом деле» [1, 2].

Псевдогероические аттестации корректируются историческими и психологическими реалиями: солдат «смущался от мысли, почему он здесь в тишине и мире, а не там — под Москвой и Ленинградом, где убивающий враг идёт навстречу твоей груди, где в подвиге исполняется высшая жизнь воина» [1, 1–2].

В авторизованной машинописи к названию произведения А. Платонов добавил подзаголовок «Зимняя сказка» [1, 1]: это уточнение готовило читателя не к «чуду» (многие современники писателя именно так воспринимали Победу, одержанную зимой под Москвой), а к порождённым войной жесточайшим испытаниям. В центре внимания писателя — герой, способный преодолеть многочисленные беды и лишения военных лет, истоки его духовной и физической «прочности».

Писатель избирает «стратегии сказочности», связанные с выбором «особого» времени действия, открытого для необычайных событий, неведомо-

го зла. «Силы тьмы» в сказке ожидаемы: Курдюмов «заступил на свой пост в полночь. Солнце давно уже село, а луна в последней четверти должна взойти ещё нескоро, и двойной мрак покрыл одинокого солдата — тьма ночи и тень чужой горы» [1, 2]. Вскоре «чья-то дурная пасть уже вплотную дышала в его лицо из мрака, и множество цепких костяных рук сразу обхватили тело солдата» [1, 3].

«Костяные руки» «указывают» на выходцев из «царства мёртвых», однако — в соответствии с законами авторской сказки — приметы реального мира сохранены, враги «человеческого рода» [1, 2] «в свете наступающего дня» выглядят весьма буднично: «Вошь была вроде маленькой, белой от сладкой пищи женщины; Голод и Холод были угрюмые худые мужики, а Блат был похож на обыкновенного, каждого человека, так что его от другого отличить нельзя и поэтому заметить и запомнить трудно» [1, 5].

Существом, явившимся из «тьмы» и «тени чужой горы» [1, 2], противостоит герой, в имени и фамилии которого прочитывается значимая семантика (в переводе с греческого Тихон означает «судьба», а фамилия Курдюмов происходит от тюркского «kürdem — «видевший»). В свете этих значений Тихон Курдюмов предстал перед читателем как русский солдат, видящий свою судьбу. О «высшем знании» и вере, укрепляющим силы в борьбе с превосходящим по численности противником, говорит сам герой: «Курдюмов по дыханию и запаху сосчитал, что это был не один враг, а четыре, а может, больше.

“Пуускай будет четыре, — решил Курдюмов, всё равно они меня одолели временно”» [1, 3].

«Четвёртый» враг нарушает фольклорный принцип троичности, но отход от эпической традиции и здесь оправдан: в авторской трактовке «неощутимого» противника, именующего себя Блатом, получает воплощение образ Зла, превосходящего по опасности холод, голод, бытовую неустроенность. Подготовленная этого действующего исподтишка «фашиста» [1, 6] на первый взгляд неуловима: «Я и с тыла, я и с фронта, я с лица и с затылка, я и сбоку, и изнутри действую!» [1, 5]. Высказывания врага отчасти напоминают традиционную для фольклорного жанра похвалбу антигероя перед схваткой: «Пока я цел, ты никого победить не сумеешь» [1, 6].

Вместе с тем в авторской сказке очевидна особая роль этого персонажа, который является порождением не только «немецкой», но и «своей» жизни. Характерно, в частности, его признания: «Да, мы любим тыл», «У меня своей силы нет, — согласился Блат. — На что она мне! Я работаю чужой силой. Всякий человек умереть хочет последним, а покушать первым — вот моя сила» [1, 5].

Принадлежность Блата, исповедующего враждебную «философию» и чуждую «мораль», к силам, пришедшим из «тьмы», непримиримый спор с ним русского солдата не защищали текст от резкой кри-

тики. Показательны внутренние рецензии на книгу «В сторону заката солнца» (в состав её рукописи первоначально входила платоновская сказка). «Рукопись имеет несколько «узлов сопротивления», служащих выражением авторского сопротивления современности, — настаивал один из внутренних рецензентов. — Смысл этого противостояния <...>: в мире созрело зло; оно обнаружило себя в войне, принесшей русскому народу неслыханные бедствия и страдания; при этом автор не делает различия между миром, со стороны которого ползут на нас «тигры» и «фердинанды», и миром, лежащим по эту сторону фронта: весь мир — «злостен» <...>, но живая сила народа неиссякаема» [2, 514].

Сказку посчитали «ветхозаветной», «неправильно ориентирующей читателя» [2, 509] и по другим причинам. Курдюмов назван солдатом, а не бойцом, как это было принято в повседневной речевой и литературно-художественной практике военных лет (ср.: «Бойцы и командиры!», «Книга про бойца и т.п.). В борьбе с врагами силы героя, привыкшего к испытаниям и лишениям, укрепляет русская, а не советская жизнь.

Приведённая Блатом поговорка «В русский двор беда одна не приходит» [1, 6] Тихоном Курдюмовым не опровергнута, хотя в годы войны существовали запреты на использование идеологически вредных и «устаревших фольклорных единиц». Из текста брошюры «В помощь работникам районных и городских газет» (Вып.1) в 1942 году цензурой были исключены поговорки «Бей своих — чужие бояться будут», «Чужая беда — людям смех» и другие изречения, мешавшие политико-воспитательной работе [9, 9]. Плакатами и массовыми изданиями тиражировался новый «советский фольклор»: «Красная Армия не одна — с нею вся страна», «Дай фашисту под ребро — себе сделаешь добро», «У советского тыла большая сила», «Чем тыл крепче, тем врага бить легче», «Фашистам на беду у нас фронт и тыл в одном строю» [7, 91–94], но для платоновской сказки, чуждой пропагандистскому дискурсу, инородность приведённых лозунгов очевидна.

Значительная часть действия в платоновской сказке разворачивается на особом пространстве, ставшем «своим» после его освоения «русскими переселенцами». Нападки на сказку внутренних рецензентов, не пропустивших её в печать, были вызваны и тем, что география событий, происходивших со сказочным героем, точно не очерчена. Читателю предстояло самостоятельно решать, как соотносятся «тьма» и «советская сторона» на стадии движения героев в «деревеньку русских переселенцев» [1, 6]: «Враги повели его во тьму; однако Курдюмов понимал, по привычке к местности, что они направляют в его родную, советскую сторону» [1, 3].

Один из критиков посчитал, что Тихон Курдюмов — «пассивный победитель. Он побеждает не уме-

лостью и смекалкой, не изобретательностью, а непритязательностью» [2, 514]. Другой предположил, что «выносливость героя сказки Платонова, героя, в котором воплощён весь народ русский, — это не выносливость физическая, волевая, а просто бесплотность» [2, 517].

Однако замечания литературных критиков не учитывали главного: в редакции произведения, отвергнутой рецензентами, позиция героя предстаёт в свете проблемы общенародного «самостояния», внутренней силы, неведомой врагу. «Снедаемый вошью», «ослабев от холода и голода», русский солдат не сомневается в своей лучшей доле: «Это ничего, — думал Курдюмов, — потом я опять отъемся и тело наживу» [1, 7] — так переданы его мысли в авторизованной машинописи.

«Ступай обратно за границу ко двору, — говорит Курдюмов Холоду. — В России людям жить привычнее, они как хочешь проживут — и без пищи могут, и на холоде, и в беде — их ты не возьмёшь. Это вам нужно одно-другое и чтоб весь свет у вас был под задом, а мы, раз надо, мы и так проживём без всего, на одном дыхании, на том, что мать в нас положила, когда рожала...» [2, 518].

«Свое» и «чужое» в платоновской сказке последовательно соотнесены.

Солдат Курдюмов, попавший в цепкие «костяные руки», побеждает Холод, Вошь и Голод без патетических лозунгов и оружия, «выкованного в тылу», благодаря выносливости, приобретённой с «молоком матери», заступничеству «своих» природных стихий. Чужеземный Холод напрасно пытался «застудить солдата вьюгой и застудить его» [1, 6]. Крестьянский сын Курдюмов, привычный к лишениям, согревается своим дыханием, «жилым духом» [1, 6] давно не топленного и выстуженного жилья. Символом надежды на выход из самых губительных обстоятельств ему (и читателям) служат русские избы, что «отогревались под снегом собственным внутренним теплом» [1, 8].

В соответствии с той же логикой, основанной на различии «своего» и «чужого», победу над врагом ускоряет «русский Мороз, неподвижно глядевший спокойным лицом месяца с неба на землю и студивший <...> насмерть съёжившийся немецкий Холод» [1, 8]. Разрешение сюжетной ситуации — солдат «пошёл к Холоду, толкнул его ногой, и Холод повалился в снег мёртвым, чтобы весной сопреть в песчаном наносе и испариться в тепле» — соединяется с кратким выводом, поднимающим «историю одной победы» до итога, имеющего поучительный смысл: «Стало быть, не надо было чужому Холоду являться на русский Мороз.

— Куда ж тебе, Холоду, воевать с нашим Морозом! — сказал Курдюмов мертвецу. — Разве без Мороза настоящий холод бывает?» [1, 8].

Жадная Вошь, первая напавшая на солдата, бес-

славно умирает, «отравившись» «потным солдатским соком»: захватчикам неведомо это «русское» средство борьбы.

Эпизод, в котором был побеждён и рассеян Голод, принявший обличие немецкого оккупанта и решившего «уцелеть в своём фашистском государстве хоть на тихой должности» [1, 10], завершается ещё одним, на этот раз «императивным» уроком: «путь собаки научат фашиста, что такое настоящий голод» [1, 10].

От Блата, «привыкшего хитрить», много есть и много спать, но теперь понуждаемого питаться зерном, полученным по трудодням, «терпеть боль работы» [1, 14], — в соответствии с фольклорным законом трюичности — ровно через три дня, ночью, «не стерпев худой, несладкой жизни», «оторвались и разошлись части и члены» «бывшего сытого тела». «Когда Блату наступило время проснуться, то подняться он уже не мог, его не было» [1, 15]. Низложение и гибель хвастливого, якобы «всемогущего» врага оправданы фольклорной традицией: не стало «главной опасности» — закончилось действие сказки.

Но те же события, спроецированные на реальное измерение жизни, где в колхозе могли получать «на суточное довольствие» «каши-похлёбки» «четыре ложки, включая сюда и воду» [1, 14], высвечивают общественно-политический контекст, неприемлемый для советской печати. В повествовании не нашлось места «свету Москвы» (Л. Кассиль), «единству фронта и тыла», безупречной крепости последнего, «героической Красной армии», одержавшей в 1941–1943 годах важнейшие победы именно зимой. Вместо «подневольной жизни населения» под «гнётом врага» говорилось об искушаемых Блатом крестьянах, начавших вместо работы в колхозе «торговать да гулять» [1, 10].

В сказке А. Платонова «Как солдат Курдюмов одолел четырёх немцев — голод, холод, вошь и блат» затрагивались нравственно-философские и злобод-

невные социальные проблемы — выяснялась мера терпения и самостояния человека в условиях каждодневных лишений и общественного зла, воспроизводившего себя «в тылу и на фронте». За сменяющимися друг друга испытаниями героя, их «поучительными итогами» нельзя было не увидеть трагические и спасительные смыслы русской жизни, основанные не только на терпении, но и на вере в собственные силы и прочерченную свыше судьбу. Эти смыслы для советской цензуры были неприемлемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. ИРЛИ, ф. 780 (Архив А. П. Платонова), д. 77. Здесь и далее архивные источники цитируем, указывая в скобках номера листов.
2. Отзывы на книгу А. Платонова «В сторону заката солнца» / Публ. Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы / отв. ред. Н. В. Корниенко; сост. М. В. Богомолова, Е. А. Роженева. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — С. 507–521.
3. Платонов А. Сказ про солдата Курдюмова / А. Платонов // Литературная Россия. 1963. 26 июля. С. 21–23.
4. Пушкарев Л. Н. Сказка и война (Из наблюдений фольклориста-фронтовика) / Л. Н. Пушкарев // Живая старина. — 1995. — № 2. — С. 2–3.
5. Самоделова Е. А. Фольклор Великой Отечественной войны / Е. А. Самоделова // «Идёт война народная...» Литература Великой Отечественной войны (1941–1945). — М.: ИМЛИ РАН, 2005. — С. 319–375.
6. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 — первая половина 1941 г. Монография / Т. Г. Иванова. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. — 799 с.
7. Народное творчество в дни Великой Отечественной войны / Сост. В. А. Тонков. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1945. — 104 с.
8. ГАВО. Ф. 523, оп. 3, д. 7.
9. ГАРФ. Ф. 5446, оп. 56, д. 32.

Воронежский государственный университет

Алейников О. Ю., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук

E-mail: oaleinikov@yandex.ru

Voronezh State University.

Aleinikov O. U., Associate Professor Chair of Russian literature of the XX and XXI centuries, the theory of the literature and humanities.

E-mail: oaleinikov@yandex.ru